

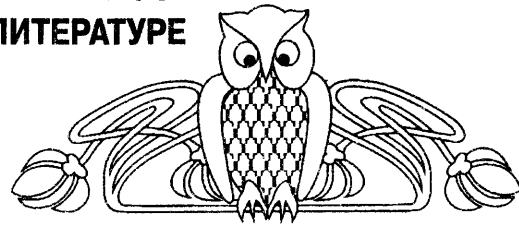

УДК 32:316.647.5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.А. Вилков

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены и охарактеризованы основные направления, имеющиеся в обществоведческой литературе, анализ роли толерантности в современной России. Представлены различные трактовки этого понятия, проанализированы основные сферы ее проявления в общественно-политических отношениях, исследована степень изученности политических аспектов толерантности российского общества.

Political Aspects of the Tolerance Problem in the Modern Social-Science Literature

A.A. Vilkov

The paper considers and characterizes basic directions and approaches, available in the social-science literature, to analysis of the role of tolerance in modern Russia. Various treatments of the concept of tolerance are presented, basic spheres of its manifestation in social and political relations are analyzed, the exploration degree of the political aspects of tolerance of the Russian society is examined.

Одной из важнейших и сложнейших проблем современной России, требующей целенаправленного и последовательного решения, является сложный и противоречивый характер взаимоотношений между различными социальными группами – представителями российских этносов и конфессий. Степень толерантности данных отношений определяет не только уровень стабильности политической системы и отдельных сфер жизни общества, но и саму жизнеспособность и перспективы развития сложносоставного российского социума.

Существуют различные трактовки данного понятия. Одним из самых распространенных является понимание толерантности как «терпимости», которая позволяет не только уважать чужую позицию, но и менять свою в процессе диалога¹. Л.М. Дробижина рассматривает толерантность «не как позицию самоограничения и намеренного невмешательства, согласия на взаимную терпимость», но «также и принятие других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними»². На наш взгляд, отсутствие единства в понимании толерантности объясняется не только сложностью и многомерностью данного феномена, но и тем, что с точки зрения содержания данная категория ни исторически, ни этнически не является универсальной. Член-корреспондент РАН В. Тишков

утверждает, что ее содержание, границы, сторонников и активных защитников различаются не только в историческом аспекте, но и в зависимости от культурной традиции, состояния общества и многих других факторов³.

Развернутое и всестороннее определение данного феномена было дано в «Декларации принципов толерантности», утвержденной резолюцией генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.: «Толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. <...> Толерантность – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательств на эти основные ценности, толерантность должны проявлять отдельные люди, группы и государства»⁴.

Неслучайно данным сюжетам посвящены работы многих западных исследователей⁵. Их внимание привлекают и особенности проявления толерантности в России. Например, Д. Гибсон проводил в 1990 гг. эмпирическое исследование политической толерантности в условиях демократизации в России. Исходным положением его проекта стал тезис о нетолерантности как одной из доминирующих черт российской политической культуры, что объяснялось отсутствием традиций культивирования толерантности и неразвитостью либерализма, а также сохранением влияния советских норм, с их культом нетерпимости к политическим противникам. Опираясь на известное положение С.М. Липсета о политической культуре как основном реквизите демократии, Гибсон, как и многие из аналитиков, исходил из того, что «успешная демократизация не может быть гарантирована лишь институциональными трансформациями (изменением конституции,

законодательства, институтов политической власти и т.п.), а предполагает и, более того, делает необходимым формирование совершенно определенной системы культурных ценностей»⁶.

Думается, связывать наличие толерантности лишь с укорененностью в обществе либеральных традиций не совсем правомерно. Многие страны с традиционным укладом на протяжении своей многовековой истории демонстрировали гораздо более высокий уровень толерантности, нежели западноевропейские с их непрекращающимися военными конфликтами. Кроме того, укрепление либеральных основ толерантности в странах Западной Европы, устраняя или смягчая одни социальные противоречия, одновременно порождает новые, не менее опасные.

По мнению Р. Даля, «определенный уровень культурной однородности благоприятно воздействовал на развитие и стабильность демократии во многих странах «старой демократии»⁷. Однако в конце XX столетия в этих странах возникли два фактора, способствующие усилению культурной дивергенции. Во-первых, граждане, обычно подвергавшиеся дискриминации, объединились, образовав общественные движения, призванные защитить их интересы и права на культурную самоидентификацию. Во-вторых, культурная дивергенция в странах «старой демократии» значительно усилилась за счет постоянно увеличивающегося притока иммигрантов, отличающихся этнически, по языку, религии, культуре от коренного, доминирующего в той или иной стране населения. Исходя из этого, Р. Даль утверждал, что надежда на то, что наступающее столетие решит проблему культурной дивергенции представляется «необоснованной и беспочвенной»⁸.

На наш взгляд, конфликты последних лет во Франции и многих других странах Запада с очевидностью показали, что процесс вживания иммигрантов в сложную ткань сложившихся демократических отношений проходит болезненно и нередко приводит к формированию внутри государства анклавных социокультурных сообществ, не желающих руководствоваться принятыми там нормами и правилами.

Нельзя также забывать, что вопросы культурных различий неотделимы от проблем социального неравенства, бедности, политической дискриминации. А.В. Глухова отмечает, что «структуры господства в европейских странах не претерпели существенных изменений. Элиты по-прежнему рекрутируются из местного населения, мигранты и их дети занимают наименее престижные ступени на социальной лестнице»⁹. По мнению М. Вивьерки, социокультурные различия существуют как имманентное свойство системных процессов, несмотря на экспансию единого, выражающуюся в навязывании демократических ценностей, экономических инсти-

тутов и продуктов масс-медийной индустрии. Таким образом, мы имеем дело с «двойной моралью» доминирующих групп, культурного большинства, основанной на экономических и властных интересах. С одной стороны, демократические ценности объявляются *универсальными*, но наряду с этим реализация гражданских свобод и экономических прав *меньшинств* затруднена, они испытывают экономическое неравенство и социальную несправедливость. В итоге, находясь в замкнутом положении, социальные меньшинства ограничивают коммуникации с доминирующим этносом, образуя секты, экстремистские объединения, криминальные группировки¹⁰.

Кроме того, нужно учитывать, что борьба за толерантность в странах Западной Европы, начавшаяся в XVII в. и особенно эффективно развернувшаяся в Англии и Голландии, не мешала этим странам одновременно вести насильственную внешнюю колонизаторскую политику.

США представляют собой особый тип государства, которое изначально формировалось как иммигрантское сообщество, где государственной нейтралитет в области культурных, религиозных и прочих предпочтений общеизвестен и где формально декларировался принцип: «Все должны терпеть всех»¹¹. Однако во внешней политике США предельно нетерпимы, оставляя за собой право прямого военного вмешательства в любом регионе мира, где нарушаются, по их мнению, «интересы демократии». По мнению А. Ливена, ведущего научного сотрудника «Фонда Карнеги за международный мир», такая политика подкреплена эффективной и целенаправленной системой воспитания американского патриотизма: «Слово «американский» произносится с таким пафосом, что сразу ясно: если уж гражданин, обычай или институт «американский», значит он обладает целым рядом бесспорных достоинств <...> И наоборот, «неамериканский» означает не просто «иностранный» или «незнакомый», а и – «опасный, аморальный, пагубный, заблуждающийся» <...> Уильям Р. Брок написал это в 1974 году, но и сегодня, три десятилетия спустя, его слова по-прежнему актуальны»¹². Иными словами, если толерантность и присутствует на уровне того или иного государства, то она, как справедливо отмечает Н.В. Круглова, во многом еще не реализована на уровне межгосударственных отношений¹³.

В целом, анализ данных работ позволяет констатировать неоднозначность интерпретаций в них места и роли толерантности, отчасти это объясняется усилением процессов глобализации, наряду с интегративной ролью, которую она может играть в обществе, целесообразно и осмысление границ применимости этого концепта¹⁴.

В российской обществоведческой научной литературе также нашли отражение самые различ-

ные аспекты проблемы толерантности. Условно их можно разделить на несколько групп. Основными направлениями являются анализ места и роли толерантности в истории России и в современных условиях, исследование различных трактовок ее сущности и функциональности, особенности ее проявления в различных областях общественной жизни¹⁵. Объединяет эти исследования изучение когнитивных стилей и установок, ценностных и мировоззренческих приоритетов личности в отношении толерантности.

Важное место занимает исследование степени толерантности социальных групп, стратифицированных по самым различным основаниям и имеющих соответствующую самоидентификацию по схеме «мы – они»: «молодежь – пенсионеры»; «трудящиеся – олигархи»; «женщины – мужчины»; «либералы – консерваторы»; «сельские жители – горожане» и т.п.¹⁶ Основной акцент в работах данного направления сделан на социологическую интерпретацию толерантности, выявление механизмов социальной идентичности, исследование параметров общественного неравенства и их роль в позиционировании различных социальных групп, анализ факторов возрастной, гендерной, профессиональной, поселенческой и иной дискриминации. Большинство исследователей констатируют, что в условиях реформирования общественных отношений в современной России очевиден дефицит толерантности, что необходимо принимать меры для упрочения этого явления на всех уровнях коммуникаций.

Представители психологического направления¹⁷ рассматривают толерантность сквозь призму психических процессов, влияющих на формирование «Я-концепций», анализируют внутрисубъектные механизмы толерантных установок, выявляют факторы, способствующие уменьшению (либо нагнетанию) нетерпимости в общественных отношениях, предлагают методики, направленные на уменьшение внутриличностной конфликтности, на развитие межличностной коммуникабельности и группового сотрудничества.

Огромное количество публикаций посвящено анализу роли сферы образования в формировании толерантности¹⁸. Большинство авторов сходятся в том, что направленность и характер воспитания личности, особенно в детстве, закладывают те основы толерантности, которые затем выступают мотивационным фактором поведения.

Кроме того, можно выделить исследования, посвященные анализу воздействия процессов глобализации на толерантность¹⁹. Среди большого комплекса проблем, вызванных глобализацией, наибольшее внимание ученых обращено на процессы социокультурного взаимодействия в большинстве стран мира.

Еще одно направление исследований связано с ролью массовых коммуникаций в общественной жизни, в том числе в формировании культурного плюрализма и атмосферы толерант-

ности²⁰. На наш взгляд, результаты развития информационно-коммуникационных технологий достаточно противоречивы. С одной стороны, СМИ, Интернет значительно увеличивают возможности целенаправленного и стихийного формирования толерантности (на основе увеличения межличностных коммуникаций). С другой – усиливается манипуляционная составляющая информационно-коммуникационного воздействия, которая позволяет навязывать гражданам оценки и мнения в отношении политических, социально-экономических и духовных явлений и процессов. В этой связи нельзя не согласиться с высказыванием Э. Гидденса о том, что «повсюду мы видим институты, которые внешне выглядят так же, как и раньше, и носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри»²¹. Неслучайно многие страны предпринимают меры для защиты от американского «информационного империализма», с помощью которого происходит разрушения собственных традиций и социокультурных оснований.

Самый широкий подход к пониманию толерантности демонстрируется при анализе ее места и роли в демократизации общества²². По мнению Э. Баталова, «не будучи тождественной свободе, равенству и другим ценностям того же ряда, демократия вместе с тем оказывается действенной лишь при наличии определенных условий и предпосылок»²³. К таковым автор относит равенство граждан перед законом, свободу, толерантность и определенный уровень экономического и социального развития. На наш взгляд, все выделенные предпосылки важны в совокупности. В современной России именно социально-экономическое размежевание общества на богатых и находящихся за чертой бедности значительно снижает уровень толерантности во взаимоотношениях различных социальных групп.

Своеобразие России делает особенно актуальным поиск решений, обеспечивающих сочетаемость традиционных системострических ценностей и принципов (сильной патерналистской власти, уравнительности, коллективизма) с персоналистскими либеральными (права и свободы личности, плюрализм). Актуален ответ на вопрос – возможна ли гармонизация этих принципов в переходный период, пока демократия не приобретет устойчивых свойств²⁴? Представляется, что важную роль в этом процессе гармонизации играет толерантность, которая может стать связующим звеном между традиционалистскими и модернистскими ценностями.

Гораздо меньше внимания уделяется политическим аспектам толерантности. Чаще всего многообразие проявлений данной проблемы исследователи автоматически связывают с политикой. В этом есть очевидный смысл, так как и накопление проблем толерантности во всех сферах человеческих отношений, и стратегия и тактика

их решения (соответственно, и эффективность) зависят от особенностей политической системы и характера политического режима.

Одной из наиболее социально и политически значимых и соответственно исследуемых проблем современной России является этноконфессиональная толерантность²⁵. По мнению Н. Лебедевой, этническая толерантность понимается как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а также наличие ее позитивного образа при сохранении положительного восприятия собственной, т.е. этническая толерантность является не следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а характеристикой межэтнической интеграции²⁶.

Исследователи отмечают, что, с одной стороны, в полиэтничных, многоконфессиональных регионах России накоплен ценный опыт межэтнического согласия и сохранения межконфессионального мира. С другой стороны, что усиливаются расизм и ксенофобия, активизируется движение скинхедов²⁷.

История России свидетельствует, что наша нация отличается не только огромной жизнеспособностью и замечательным упорством, но и высоким уровнем толерантности. Готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения стала следствием специфики социального и культурного развития страны. На формирование характера русского человека большое влияние оказала географическая среда. С момента зарождения Российского государства его территория постоянно расширялась за счет освоения новых земель. Это выработало в русских легкость к перемене мест, быстрое привыкание к этнически чуждой среде²⁸.

Несмотря на обозначившийся процесс переориентации русской идентичности, как и других национальных идентичностей, с государственно-гражданской на этнонациональную, в целом для русской социокультурной среды не характерна дискриминация по национальному признаку. По-прежнему не вызывают возражения межнациональные браки (70–75% молодых людей не усматривают каких-то ограничений в подобных случаях). Более 60% русских рассматривают Россию как общий дом многих народов, которые должны обладать равными правами²⁹.

Однако в постсоветской России обозначилась другая проблема, которая существенно повлияла на характер и степень толерантности в обществе. По данным Л.М. Дробижевой, в большинстве республик представительство титульных национальностей в депутатском корпусе выше их доли в населении. Башкиры, например, составляя 22,0% населения республики, имели в палате представителей Государственного собрания, избранного в 1999 г., 43,7% голосов, в Законодательной палате – 55,0%. Налицо непропорциональное представительство – башкир среди депутатов – вдвое больше, а русских – почти в два раза меньше. В

составе Государственного совета Татарстана тоже преобладают депутаты титульной национальности. По результатам выборов 1995 г. их было 73,0% (русских – 25,4%), после выборов 1999 г. – 75,0%. А между тем по переписи населения 1989 г. в республике проживало 48,4% татар и 43,2% русских. В составе Государственного собрания (Ил Тумэн) Якутии после выборов 1997 г. якуты (саха) составляли 73,1% при 39% в составе населения. Подобные несоответствия были и в Адыгее, Калмыкии³⁰. Нельзя не согласиться с Л.М. Дробижевой в том, что представительство во властных структурах воспринимается людьми как индикатор равенства или неравенства этнических групп³¹.

Еще одно впечатление, которое остается в результате знакомства с работами по этнополитическим конфликтам и толерантности либерально ориентированных российских исследователей, связано с не признаваемыми ими, но очевидным воздействием идейного наследия В.И. Ленина о двух видах национализма и необходимости вести беспощадную борьбу с национализмом «большой нации». Отголоски данной методологической установки, на наш взгляд, имеют место в содержании многих публикаций³². Думается, что проблема межэтнических конфликтов не сводится к усилению национализма «большой нации» в отношении этнических меньшинств и требует объективного и непредвзятого анализа всей совокупности причин обострения межэтнических отношений. А они гораздо сложнее и включают, в том числе и особенности различных моделей социального поведения представителей этнических меньшинств в инокультурном окружении.

Например, в литературе практически отсутствует анализ негативной роли «земляческого», «кланово-этнического» начала в определенных сферах социально-экономических отношений современной России, хотя именно этот фактор выступает главной причиной повышения конфликтности на бытовом уровне, аккумулируясь впоследствии и на политическом уровне. Представляется, что толерантные отношения в полиэтничном обществе должны формироваться не только на основе учета интересов этнических меньшинств (на чем делают акцент большинство исследователей), но и на основе равноценного признания интересов русского населения, уважительного отношения к его традициям, ценностям и образу жизни.

Достаточно большое внимание уделяется проблеме толерантности в контексте исследований особенностей российской политической культуры³³. Особенно активно данную проблему исследуют сторонники мультикультурализма, которые оценивают его прежде всего в контексте дискурса либерализма как «особую форму интегративной, либеральной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные нацио-

нальные сообщества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни»³⁴. На наш взгляд, при таком подходе недооценивается объективно возникающее противоречие между индивидуальными и коллективными правами и свободами граждан. Например, признание в качестве приоритетных групповых интересов идентичности, языка и культуры титульного этноса в национальных субъектах Российской Федерации нередко приводит к ущемлению политических и социально-экономических прав и свобод представителей всех других этносов в данной республике.

Таким образом, проведенный анализ показал, что проблема толерантности занимает важное место в обществоведческой проблематике современной России. Гораздо меньше внимание уделяется политическим аспектам толерантности. На наш взгляд, существует объективная потребность в научном, самостоятельном политологическом анализе целого ряда проблем: трактовки самого понятия политики в контексте толерантности; толерантность взаимоотношений власти и оппозиции; институциональная толерантность; толерантность принятия политических решений; толерантность разрешения социально-политических конфликтов; права политического меньшинства на представительство интересов и др.

С одной стороны, все указанные аспекты толерантности взаимосвязаны с общим социокультурным ее состоянием, обуславливаются спецификой менталитета населения, особенностями его общей культуры, иерархией ценностей, историческими традициями взаимоотношений между различными социальными группами и т.п. С другой стороны, институциональное и правовое оформление политической системы и основных механизмов ее функционирования имеют и свою собственную самостоятельную логику. На наш взгляд, место и роль толерантности в значительной степени определяют характер политической системы и вектор ее развития. Соответственно определяется и стратегия, формы и методы политического воздействия на укрепление (либо ослабление) позиций толерантности в обществе в целом.

Примечания

- ¹ См.: *Лекторский В.А.* О толерантности, плюрализме и критicisme // *Вопр. философии.* 1997. № 11. С. 46–54.
- ² *Дробижьева Л.М.* Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // *От толерантности к согласию.* М., 1997.
- ³ *Тишков В.А.* Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах // *Толерантность и культурная традиция.* М., 2002. С. 12.

- ⁴ Декларация принципов толерантности: Утверждена резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 нояб. 1995 г. // www.tolerantnost.ru.
- ⁵ См.: *Бетти Э.Р.* Толерантность – дорога к миру. М., 2001; *Уолцер М.* О терпимости / Пер. с англ. М., 2000; *Хабермас Ю.* Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // *Социс.* 2006. № 1; *Цюрхер Х.* Мультикультурализм и этнополитический порядок: некоторые методологические замечания // *Полис.* 1999. № 6. С. 105–118;
- ⁶ Цит. по: *Федорова Т.Н.* Толерантность и формирование демократической политической культуры в транзитных обществах // *Религия и гражданское общество: проблема толерантности: Материалы «круглого стола»* (16 ноября 2002 г.). СПб., 2003. С. 22–23.
- ⁷ *Даль Р.* О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского; Под ред. О.А. Алякринского. М., 2000. С. 174.
- ⁸ *Даль Р.* Указ. соч. С. 175.
- ⁹ См.: *Глухова А.В.* Политическая конфликтология перед вызовами глобализации // *Социс.* 2005. № 8. С. 11–23.
- ¹⁰ См.: *Вивьерка М.* Формирование различий // *Социс.* 2005. № 8. С. 100
- ¹¹ История рабовладения в США свидетельствует о внутренних пределах понимания толерантности, которые в отношении негритянского населения были изжиты лишь во второй половине XX столетия.
- ¹² *Ливен А.* Анатомия американского национализма // *Pro et Contra.* 2004. Т. 8, № 3. С. 129.
- ¹³ *Круглова Н.В.* Проблема толерантности сквозь призму междисциплинарного подхода // *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора М.С. Кагана: Материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург.* СПб., 2001. Сер. «Symposium», вып. № 12. С. 78.
- ¹⁴ Наглядным примером абсурдности неограниченного применения принципа толерантности может служить решение калифорнийских властей в США в ноябре 2007 г. об отмене разделения школьных туалетов и раздевалок на основе принадлежности учащихся к мужскому и женскому полу. Смысл его заключался в том, чтобы максимально «толерантно» отнестись к учащимся, затрудняющимся однозначно сделать такой выбор. Интересно, как при этом были учтены интересы тех, кто не сомневается в своей половой принадлежности?
- ¹⁵ См.: *Васильев В.А.* К вопросу о толерантности в современной России // *Социально-гуманитарные знания.* 2000. № 3. С. 249–262; *Гречко П.* Подводные рифы толерантности // *Свободная мысль.* 1997. № 5; *Капустин Б.* Толерантное сознание в России // *Общественные науки и современность.* 1994. № 4. С. 32–41; *Скворцов Л.В.* Толерантность: иллюзия или средство спасения? // *Октябрь.* 1997. № 3. С. 138–155;
- ¹⁶ См.: *Зарубина Н.Н.* Смеховая культура как фактор толерантности к новым социальным группам в российском обществе // *Общественные науки и современность.* 2006. № 5; *Золотухин В.М.* Две концепции толерантности. Кемерово, 1999; *Идентичность и толерантность* / Под ред. А.И. Лебедевой. М., 2002; *Победа А.А.* Толерантность: содержательные смыслы и

- социологическая интерпретация // Социс. 2007. № 7; Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ: Мастер-класс профессора В.А. Ядова. М., 2004; *Смирнов А.Е.* Толерантность институциональная и суверенная // Толерантность в обществе различий. Екатеринбург, 2005; *Соколов Е.М.* Толерантность: состояние и тенденции // Социс. 2003. № 8. С. 54–63; Толерантность в обществе различий / Под ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. Екатеринбург, 2005. Вып. 15; *Хомяков М.Б.* Толерантность как социокультурная проблема // Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт. Екатеринбург, 2000. Ч. 2; *Шугуров М.В.* «Праздная» толерантность: постмодернистский сценарий // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 140–149 и др.
- ¹⁷ См.: *Асмолов А.* Формирование установок толерантного сознания как теоретическая и практическая задача // Мы – сограждане. СМИ и общество: В 2 т. М., 2002. Т. 2; *Братченко С.Л.* Психологические основания исследования толерантности // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление. Красноярск, 2003; *Иванова Н.Л.* Идентичность и толерантность // Вopr. психологии. 2004, № 6; Психологические исследования этнической толерантности. Екатеринбург, 2003.
- ¹⁸ *Гершунский Е.С.* Толерантность в системе ценностно-целевых приоритетов образования // Педагогика. 2002. № 7. С. 3–10; *Перцев А.В.* Философско-педагогические основания педагогики толерантности // Толерантность и образование: современные проблемы формирования толерантного сознания. Екатеринбург, 2006; *Сырودهева А.А.* Поликультурное образование: Учеб. пособие. М., 2001; *Шнекердорф А.А.* К идеалам мира через культуру и образование // Педагогика. 1998. № 4. С. 122–124;
- ¹⁹ См.: *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003; *Галкин А.А., Красин Ю.А.* Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социс. 2003. № 8. С. 64–74; *Гидденс Э.* Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; *Соловьев Э.Г.* Новый миропорядок: толерантный мир или апофеоз конфронтации // Вестн. МГУ. Сер. 18. 2002. № 3.
- ²⁰ См.: *Борисов А.* Роскошь человеческого общения. М., 1998; *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб., 2001; *Доброхотов Р.А.* Политика в информационном обществе // Полис. 2004. № 3. С. 154–161; *Мешкова Т.А.* Социально-политические аспекты глобальной информатизации // Полис. 2002. № 6. С. 24–33; *Соловьев А.И.* Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Полис. 2002. № 6. С. 6–17; *Соловьев А.И.* Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. 2004. № 2. С. 124–132.
- ²¹ См.: *Гидденс Э.* Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 35.
- ²² См.: *Шипилов А.В.* Демократия и толерантность // Социс. 2005. № 3.
- ²³ *Баталов Э.* Глобальный кризис демократии? // Свободная мысль XXI. 2005. № 2. С. 15.
- ²⁴ См.: *Слизовский Д.Е.* Актуальные аспекты теоретико-методологического анализа российской демократии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 2006. № 1 (6). С. 42.
- ²⁵ См.: *Бавин П.С.* Социальная география ксенофобии и толерантности // Полис. 2006. № 6; *Филиппов В.* Этнические стереотипы в СМИ // Свободная мысль. 2005. № 6.; *Ильинская С.Г.* Терпимость и политическое насилие // Полис. 2004. № 3. С. 122–126; *Ильинская С.Г.* Терпимость и укрепление этноцентричного сознания // Полис. 2003. № 6. С. 163–170; *Романенко Л.М.* Лики российской толерантности // Полис. 2002. № 6; *Смирнов А.Н.* Этничность и культурный плюрализм в контексте государственной политики // Полис. 2005. № 4. С. 30–52; *Фадеечева М.А.* Идеология и дискурсивные практики «нацизма» в современной России // Полис. 2006. № 4. С. 53–60.
- ²⁶ См.: *Лебедева Н.М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М. Лебедевой. М., 2002. С. 26.
- ²⁷ См.: Главная из них определяется асимметричностью федеративного устройства российского государства.
- ²⁸ См.: *Ачария Б.* Политический менталитет россиян глазами иностранного ученого // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 1999. № 1. С. 108.
- ²⁹ Там же. С. 110.
- ³⁰ См.: *Дробижеева Л.М.* Социальные проблемы международных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 61–62.
- ³¹ Социальное неравенство этнических групп: представление и реальность / Под ред. Л.М. Дробижеевой. М., 2002. С. 144.
- ³² См.: напр.; *Амелин В.* Этническая толерантность в поликонфессиональном и многонациональном приграничном регионе России: состояние, проблемы повышения // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конф. Казань, 2–3 июня 2004 г. / Под ред. А. Малашенко. М., 2005. С. 58.
- ³³ *Глебова И.И.* Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы // Полис. 2006. № 1. С. 33–44; *Глухова А.В.* Конфликты и диалог политических культур. Воронеж, 2005; Толерантность и поликультурное общество / Г.М. Авилов, И.Л. Бабич, Р.М. Кумышева и др. М., 2003.
- ³⁴ *Куропятник А.И.* Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб., 2000. С. 7.